

— Система, — произнесла она с досадой, — я ведь с самого начала сказал тебе, как действовать. Нужно было просто окружить его любовью, и дело в шляпе. Это единственный путь к стопроцентной шкале очернения, не трать время на пустые мечты. Жди провала задания и выхода из мира.

Линь Ци прикусил губу:

— Это не любовь, это обман.

Система холодно усмехнулась:

— А ты думаешь, Ду Чэнъин не обманывает тебя?

Линь Ци ответил:

— Я знаю, что он лжет.

В конце концов, он не дурак. Ду Чэнъин определенно что-то скрывал, но никогда по-настоящему не причинял ему вреда. Стоило лишь вспомнить, что Ду Чэнъин стал демоническим практиком и очернился из-за него, как на душе становилось тяжело. Ведь он мог бы стать богом...

Система еще не встречала таких наивных синтов, которые принимают малый мир за чистую монету:

— Я велела тебе прочувствовать этот мир, а не становиться его частью. Ты играл в те популярные в Альянсе игры про зомби? Там чем сильнее погружение, тем больше адреналина. Сносить головы нежити — одно удовольствие, но стоит выключить игру, как ты возвращаешься к своей работе и жизни. Ты же не станешь переживать, холодно ли там лежащему зомби, которому ты проломил череп? Не будь таким наивным. Неужели в твоих генах нет ничего полезного?

Линь Ци долго молчал, а затем тихо спросил:

— Я не играл в эту игру.

Система:

— ...

Линь Ци:

— Она интересная?

Система:

— ...Интересная. У меня есть аккаунт, одолжить тебе?

Линь Ци:

— Давай после того, как выберемся.

Система:

— ...Да понял ли он вообще хоть что-то, этот парень?

Представь, что это просто идеальная игра с полным погружением, а когда она закончится... Линь Ци повернул голову и бросил взгляд на Ду Чэнъина, сидящего в стороне у стола:

— Старший брат, не сиди там, иди отдохни.

Между ними замер огромный Водный цилиндр, и Ду Чэнъин даже не шелохнулся:

— Не нужно, мне удобно здесь.

Линь Ци приподнялся, перебирая пальцами узор на меховой накидке, которой был устлан бамбуковый лежак, и тихо проговорил:

— Ты можешь послушать меня?

Ресницы Ду Чэнъина дрогнули, он повернулся к Линь Ци.

Ночь была безмолвной, в комнате царил полумрак. Молочно-белый лунный свет пробивался сквозь щели в окне, рисуя лишь неясный силуэт, зыбкий и призрачный, словно сон.

Ду Чэнъин подавил импульс подойти ближе. Он молча смотрел на Линь Ци, тонущего в темноте. Его взгляд был прямым и обжигающим, готовым растопить ледяное спокойствие Линь Ци. Тот поднял глаза и в темноте безошибочно встретился со взглядом Ду Чэнъина. Его нежелание отводить глаза стало для того величайшим ободрением.

Ду Чэнъин встал. Водный цилиндр, дремавший с закрытыми глазами, тоже поднялся и покорно отошел в сторону.

Линь Ци лишь укрепился в своей догадке. Когда Ду Чэнъин подошел к краю лежака, он произнес:

— Уся, выйди. Мне нужно поговорить с твоим хозяином.

Водный цилиндр весь напрягся, его хвост вытянулся в испуганную струну. Ду Чэнъин, видя спокойный взгляд Линь Ци, понял, что тот не пытается его проверить, а уже во всем уверен. Он не стал больше скрывать:

— Ступай, посторожи снаружи.

Цилинь с облегчением выдохнул и в два прыжка покинул комнату.

— Садись, — Линь Ци подвинулся внутрь, освобождая место на узком бамбуковом лежаке. Ду Чэнъин сел рядом, они оказались совсем близко, плечом к плечу, вдыхая один и тот же воздух, пропитанный ароматами друг друга. Ду Чэнъин склонил голову, не в силах удержаться, чтобы не приблизить лицо к тени Линь Ци. Он понимал, что выглядит жалко и торопливо, как подлый воришка, крадущий нежность под луной, но даже у натянутой до предела струны бывает момент, когда хочется ослабить хватку. Хотя бы на миг.

Линь Ци глубоко вздохнул. Это была последняя капля искренности, которую он готов был вложить в эту игру. Он не мог бесконечно погружаться в пучину чувств, поэтому решил предоставить выбор самому Ду Чэнъину.

— На лестнице совершенствования... ты пришел туда специально за мной?

— Да.

— Водный цилинь на самом деле давно признал тебя хозяином, верно?

— Да.

— Тот демонический практик, что напал на меня... он связан с тобой?

Голос Ду Чэнъина осекся.

На первые два вопроса он ответил быстро, но этот вызвал долгое, мучительное молчание. Сердце Линь Ци бешено колотилось, казалось, даже уши вибрируют в такт.

— Ты подозреваешь... — наконец заговорил Ду Чэнъин, и его голос прозвучал мягко, — что я нарочно прислал его, чтобы он напал на тебя?

Линь Ци не стал отрицать, лишь сказал:

— Я надеюсь, старший брат, ты ответишь мне честно.

Снова наступила долгая тишина, такая долгая, что Линь Ци почувствовал, как дыхание становится прерывистым. А затем он понял, что это вовсе не иллюзия: сознание начало угасать, накатила дурнота. Линь Ци потерял сознание, и последним, что он увидел, были холодные, отстраненные глаза Ду Чэнъина.

Ду Чэнъин подхватил обмякшее тело. Старые раны отозвались острой болью. Он приложил столько усилий, чтобы добиться хотя бы крупницы расположения, опустился до самой пыли, но все было напрасно. Сердце его старшего брата было твердым камнем, который не пробить каплями воды.

Бережно подняв Линь Ци на руки, Ду Чэнъин развернулся и вышел, ногой распахнув дверь. Водный цилинь поднялся, оглянувшись на него с опаской.

Ду Чэнъин слегка взмахнул рукой, высвобождая силу, запечатанную в роге. Черное пламя охватило его, подобно морской волне, прокатилось по мощной спине. Через мгновение взрослый Водный цилинь — черный как смоль, с золотым рогом — с силой топнул по земле, и вокруг разлилось дыхание смерти.

Вместе с возвращенной силой к цилиню вернулась и память. Его хозяин вместе с ним бросился в пучину кроваво-красного моря ада, кармическое пламя которого хлынуло в мир людей, сжигая все дотла. Они выбрались из цикла перерождений, но все по-прежнему несло навстречу тьме и неизбежной гибели.

— Хозяин, — голос взрослого цилиня был гулким и полным скорби, словно буддийское песнопение. Он склонил голову в знак покорности.

Ду Чэнъин посмотрел на спящего Линь Ци, его лицо исказила печаль. Он сделал все, чтобы скрыть свою сущность. Его рука, обнимающая Линь Ци, невольно сжалась, раны на теле открылись, и в воздухе разлился запах крови.

— Уся... он дал тебе имя Уся.

Цилинь промолчал.

— Уся... — Ду Чэнъин запрокинул голову и рассмеялся, и в этом смехе слышалось безумие, а в глазах мерцали искры. — Он скорее поверит скотине, чем мне хоть на йоту.

Водный цилинь глухо произнес:

— Хозяин, вернемся в Царство демонов.

— Вернемся? — Ду Чэнъин опустил взгляд, его лицо выражало полное равнодушие. — Я никогда там не был, о каком возвращении идет речь?

Мир огромен, но для него нигде нет покоя. Демонические практики хотят сделать его своим господином, чтобы его руками править миром, праведники хотят, чтобы он спас мир, уничтожив Царство демонов. Казалось, у него есть только два пути, и ни один из них не был его собственным выбором. Может быть... может быть... Кровь в груди вскипела, словно что-то рвалось наружу, готовое сбросить кокон.

Цилинь с тревогой смотрел на глаза Ду Чэнъина, которые начали наливаться красным. Это был признак впадения в демоническое состояние...

Но стоило ему взглянуть на спокойное, бледное лицо спящего у него на руках человека, как он

подавил этот порыв. Ду Чэнъин горько усмехнулся и прошептал с невероятной нежностью:

— Старший брат, ты можешь использовать всё свое влияние, чтобы ранить меня, но я... я не причиню тебе ни малейшего вреда.

Сознание Линь Ци долго блуждало в глубоком сне, словно он вернулся в питательную среду — влажную, теплую, дарующую странное чувство безопасности. Потоки воды мягко обволакивали его, словно материнские руки, подталкивая вперед, навстречу свету, брезжившему в темноте.

Линь Ци медленно открыл глаза. Выпуклая мягкость под ним и украшения над головой сразу дали понять, где он находится. Это была его пещера.

Линь Ци резко сел. В отличие от прежней мертвой тишины, теперь он слышал шум ветра, шелест листвы и пение птиц — звуки, из которых складывался покой этого мира.

Он ошарашенно замер, в голове была пустота. Лишь спустя долгое время он слез с лежака и, словно порыв ветра, выбежал наружу. Солнечный свет, пробиваясь сквозь высокие деревья, согревал мир, наполняя его теплом и умиротворением.

Линь Ци растерянно огляделся, чувствуя себя так, будто внезапно оказался в другом мире.

— Где Ду Чэнъин?..

Система холодно ответила:

— Ушел.

Ушел?

Линь Ци остолбенел, приоткрыв губы. В голове что-то зазвенело, ноги подкосились, и он осел на землю.

— Тот демонический практик... это ведь не он его прислал? — в смятении пробормотал он.

Система ответила тем же тоном:

— А как ты думаешь?

Линь Ци охватила паника. Он вспомнил холодный взгляд Ду Чэнъина перед тем, как потерял сознание, и в растерянности прошептал:

— Что же делать?

Система:

— Что делать?

Линь Ци был близок к слезам:

— Я... я что, прогнал его?

Система невозмутимо отозвалась:

— Ничего, он вернется.

Линь Ци так не думал. В прошлый раз, когда он спрашивал Ду Чэнъина, не является ли тот истинным мастером Баошу, Ду Чэнъин не ушел, и его отношение было совсем другим. У Линь Ци было острое предчувствие, что в этот раз он по-настоящему ранил его.

Система жестоко отрезала:

— Ну и что? Стопроцентная шкала благосклонности позволяет тебе делать с ним что угодно. Даже если ты ранил его, он все равно вернется.

Система говорила о Ду Чэнъине тем же тоном, каким раньше рассуждала о зомби из игры.

— Я буду скучать, — Линь Ци моргнул, и слезы скатились по его ресницам. — Я буду думать о том, холодно ли ему там, где он лежит...

Он поставил на кон свою последнюю искренность. Если тот демонический практик не был подослан Ду Чэнъином, если тот никогда не строил против него козней, то он готов был принять эту предреченную трагедию.

Система помолчала, а затем перед глазами Линь Ци всплыло окно с данными:

— Ну что, посмотрим материалы?

Линь Ци:

— ...

Система:

— Эх, говорила же тебе учиться, а ты не хотел. Давай быстрее, время еще есть, успеем.

Линь Ци снова отказался от материалов системы:

— Я хочу окружить его любовью.

Система:

— Это и есть любовь. Динамичная, конкретная, взаимная любовь.

Линь Ци:

— ...Я имел в виду абстрактную любовь.

Система:

— Ты же знаешь, что в генах вашего главного «старшего брата» есть гены слона?

Линь Ци с восхищением произнес:

— Знаю. Говорят, у него есть гены всех известных существ.

Это был легендарный, ужасающе сильный синт, чей разум мог пробудить к жизни мертвую планету. Для Линь Ци, созданного для выполнения домашних обязанностей, это было что-то за гранью воображения.

Система:

— Ну вот, так что это и есть «абстрактная» любовь. Поверь мне, поучись.

Линь Ци:

— ...Не знаю почему, но мне кажется, что мой разум только что осквернили.

После настойчивых предложений системы печаль в сердце Линь Ци немного утихла. Разве не в этом задача — окружить Ду Чэнъина любовью и направить на путь праведников? Разве не в этом суть — вложить чувства, а потом страдать при расставании? Линь Ци, неужели ты забыл, с чего все начиналось?!

Как единственный синт, прошедший тест Координатора, он не мог ударить в грязь лицом перед предшественниками. Линь Ци глубоко вздохнул, решительно поднялся на ноги и с энтузиазмом заявил:

— Система, где Ду Чэнъин? Я пойду его искать.

Хотя этот синт долго колебался, приняв решение, он действовал неожиданно решительно. Система с одобрением поправила свой код и весело отозвалась:

— Пырни себя ножом, и он тут же появится.

Линь Ци:

— ...

Система:

— Что, боишься боли? Ударь легонько, просто для вида, этого достаточно.

Линь Ци:

— Если не знаешь, так и скажи.

Система:

— Не ценишь моей заботы, ну и ладно. Хм, думаешь, твоя мыльная опера с Ду Чэнъином так интересна? Пойду лучше шоу посмотрю.

Линь Ци:

— ...Эта система точно не изменилась, всегда на передовой безделья.

Хотя тело было клонировано Альянсом, боль от ножа была настоящей. Линь Ци был обычным человеком и, конечно, боялся боли. Пырнуть себя было нереально.

В лесу стояла мертвая тишина. Сяо Мо и Вань Чжужфэн, видимо, еще не вернулись. Линь Ци почувствовал неловкость: они договорились с Ду Чэнъином отправиться в Хуаюань изгонять демонов, а в итоге проторчали у подножия горы, и Ду Чэнъин получил столько ран.

Линь Ци вздохнул, вспоминая истинного мастера Баошу, который и нанес эти раны.

Честно говоря, теперь он и сам сомневался. Выражение лица Баошу, когда тот стоял над поверженным демоном и смотрел на Ду Чэнъина — три части гнева, три части разочарования и четыре части неверия.

Как ни крути, это не похоже на взгляд злодея.

Вдобавок к странному поведению Баошу, Линь Ци закружилась мысль, что тот лишь притворяется врагом.

Как только эмоциональные терзания отступили, интеллект Линь Ци снова взял верх. Когда он вывел Водного цилиня и Духовную бабочку, реакция Баошу отличалась от реакции двух других мастеров. Казалось, он был уверен, что Линь Ци не должен был призывать цилиня.

После скоростных вычислений Линь Ци пришел к выводу: мастер Баошу — провидец.

Он, скорее всего, давно знал о предназначении Ду Чэнъина как спасителя мира, поэтому и придирался к нему на каждом шагу. В прошлой жизни Ду Чэнъин действительно много страдал от рук Баошу, его тело всегда было покрыто шрамами, но если вдуматься, каждый раз после

таких ран он становился сильнее. Выходило, что роль Баошу больше походила на роль наставника, помогающего главному герою расти.

А гнев Баошу в тот момент, вероятно, был вызван тем, что он что-то обнаружил.

На самом деле Линь Ци никогда не переставал подозревать Ду Чэнъина. В конце концов, стопроцентная шкала очернения и сценарий с впадением в демоническое состояние из прошлой жизни — всякий раз, когда появлялся демонический практик, Линь Ци невольно думал на Ду Чэнъина.

Поэтому, когда Баошу, стоя над демоном, крикнул, что разочарован в Ду Чэнъине, Линь Ци подсознательно решил, что этот демон подчиняется Ду Чэнъину.

Линь Ци пожалел о том вопросе. Ду Чэнъин говорил, что не даст ему пострадать... а он не поверил.

Теплое солнце ласкало кожу, но без Ду Чэнъина рядом все казалось пустым. Линь Ци обессиленно повалился на землю.

Мягкая, влажная почва напомнила ему о том чувстве, когда он был без сознания — так безопасно и так одиноко.

Линь Ци не стал долго хандрить и поспешил на гору мастера Баошу.

Он знал эти места лучше всего, но, поднявшись, обнаружил, что на горе не то что людей — даже живых существ не осталось. Настоящая мертвая тишина. Это было не к добру.

Ученики могли уйти изгонять демонов, но не до такой же степени запустения. Линь Ци охватило недоброе предчувствие, и он решительно вошел в главный зал.

Баошу был человеком бережливым, в зале повсюду стояли печи для алхимии. Линь Ци открыл одну из них и обнаружил, что даже процесс создания пилюль остановился. Пилюли, которые должны были излучать свет, потускнели, утратили аромат и источали неприятный запах.

Линь Ци медленно закрыл печь, его руки слегка дрожали. Он огляделся: дыхание смерти и тлена окутало этот простой зал серой дымкой.

Эта гора умерла.

Неужели мастер Баошу погиб?

Линь Ци презирал Баошу, но, как только эта мысль возникла в голове, он сразу вспомнил о Ду Чэнъине. Убийство наставника — тяжкое преступление, за которое карают небеса!

Линь Ци, не оглядываясь, бросился прочь.

Территория истинного Юань Юй была ближе всего, и Линь Ци немедленно помчался туда. Его культивация была обычной, и этот путь вымотал его до предела. Но еще большим шоком стало

то, что гора Юань Юй была такой же мертвой и серой, как и гора Баошу.

Линь Ци стоял посреди лесной чащи, в ужасе глядя вверх. Листья осыпались, словно под проливным дождем, и стоило им коснуться земли, как они тут же превращались в сухую желтую труху.

Линь Ци открыл рот, не в силах поверить в происходящее: жизненная сила утекала из этого мира, как прилив.

Система:

— Поздравляю, конец света начался.

Линь Ци:

— Это и есть конец света?

Система:

— Ага. Главный герой, похоже, не хочет больше жить. В прошлой жизни он тоже не хотел, но в этот раз все иначе, процесс более скрытый, думаю, он еще долго продержится. Пока ты жив, он не хочет умирать, ведь он оставил тебе кусочек земли.

Линь Ци:

— ...Как же так...

Он не думал, что его ничтожное сомнение заставит Ду Чэнъина отказаться от жизни.

На самом деле, говоря о подозрениях, он просто... просто хотел услышать из уст Ду Чэнъина, что это не он, чтобы без всяких преград сказать себе: ради Ду Чэнъина, который был с ним до конца откровенен, он готов вложиться всей душой, даже если в итоге будет больно.

Система холодно отрезала:

— Стопроцентная благосклонность и очернение означают, что в его мире смысл есть только в тебе. Сейчас ты пожинаешь плоды того, что проигнорировал мой совет.

Линь Ци не мог представить, что значит стопроцентная благосклонность. В реальности у него не было друзей, он понятия не имел, что за этим скрывается такой огромный груз.

Даже малейшее подозрение для Ду Чэнъина было подобно катастрофе, которую невозможно вынести.

Линь Ци посмотрел на свои ладони, медленно выдохнул и достал из пространственного мешка длинный меч — один из многих подарков Ду Чэнъина, данных ему для самообороны.

Ничего, если будет больно.

Система заботливо подсказала:

— Не в бок, бей по ноге. Крови будет много, эффект впечатляющий, а серьезных последствий не будет.

Линь Ци:

— ...Почему система кажется такой опытной?

Хотя система обожала бездельничать и имела скверный характер, факты доказывали, что она права. Все попытки Линь Ци избежать ответственности и его терзания лишь приближали задание к провалу. Линь Ци приподнял полы халата, поднял левую ногу и примерился мечом.

Система:

— Нет, там артерия, забрызжет как из фонтана, картинка потеряет эстетичность.

Линь Ци послушно отозвался:

— Оу.

Он передвинул острие меча на дюйм выше.

Система засуетилась:

— Ты что, больной? Как ты будешь выполнять задание, если полоснешь по бедру?

Линь Ци:

— Тогда куда?

Система:

— По икре, по икроножной мышце. Бей полегче, не надо потом десять дней раны лечить, это мешает делу.

<http://bllate.org/book/22177/2310701>